

Валерия Мухина, Андрей Хвостов

ОТЧУЖДЕНИЕ ОТ ДРУГИХ: МОШЕННИКИ И ПЛУТЫ, НАСИЛЬНИКИ И УБИЙЦЫ*

Аннотация. *Анализируются негативные личностные качества: мошенничество и плутовство, насилие и склонность к убийствам. Рассматриваются другие, сопряженные с названными качествами негативные качества, которые причисляются к порокам культуры, или «дьявольским порокам» (И. Кант). Показано, что все названные негативные качества личности отчуждают человека от других людей.*

Ключевые слова: пороки; мошенничество; плутовство; насилие; склонность к убийству; пороки культуры; аддиктивное поведение; отчуждение от других.

Abstract. *Negative personal qualities, such as swindle, knavery, violation and propensity for murder are analyzed. Other negative qualities connected with the named ones and viewed as defects of culture or devil defects (I. Kant), are considered. It is shown, that all of these negative qualities alienate a person from other people.*

Keywords: defects; swindle; knavery; violence; propensity for murder; defects of culture; addictive behavior; alienation from others.

2. Современные исследования о мошенниках, плутах и других сопряженных с ними личностных качествах

*Лицемеры! Хорошо пророчествовал
о вас Исаия, говоря:*

*«Приближаются ко Мне люди
сии устами своими, и чтут
Меня языком, сердце же их
далеко отстоит от Меня» ...*

[Мф. 15:7,8]

Искажение смысла

Обманом может быть также искажение смысла. Это общая проблема для любого цитирования: слова, вырванные из контекста, могут полностью исказить смысл целого высказывания, всей мысли. Однако такое же возможно неумышленно. Как полагал Г.Б. Гутнер, отчуждение существует тогда, «когда власть языка действует против индивида» [1, с. 53–54]. В формальной логике такого рода цитата с искаженным смыслом – это софизм «от сказанного с условием к сказанному без условия». *Софизм* (от греч. *sôphisma* – уловка, ухищре-

* Окончание. Начало см.: Мухина В.С., Хвостов А.А. Отчуждение от других: Мошенники и плуты, насильники и убийцы // Развитие личности. – 2011. – № 4. – С. 17–40.

ние) – это разновидность обмана, так как в этом случае *умышленные нарушения* правил логического вывода в рассуждении делают для придания видимости истинности ложному заключению; это рассуждение, обосновывающее какую-либо заведомую нелепость (абсурд) или парадоксальное утверждение, противоречащее общепринятым представлениям.

Сплетня как категория мошенничества

Манипулирование посредством искажения информации – только один из вариантов воздействия мошенника. Есть еще одна форма мошенничества и плутовства – *сплетня*.

Сплетня – довольно сложный для определения феномен. В русском языке сплетня – некий слух о ком-либо, о чем-либо, основанный на заведомо неверных, нарочито измышленных сведениях. Согласно Вл. Далю, *сплести* – придумывание или перепутывание слышанного, склонность перевернуть, рассказать что-то по своей выдумке («Это нарочно сплели, насмех тому, кто поверит!», «Сплели небывальщину»).

Сплетня может содержать в себе определенную ложь, обман. Согласно Д.С. Горбатову, основная функция сплетни обычно не столько умышленное искажение фактов, сколько коммуникативная деятельность сама по себе (для обмена информацией, для иных функций). Д.С. Горбатов, приводя основные признаки сплетни, подчеркивал, что сплетня как социально-психологический феномен носит неформальный характер коммуникации, выражает собой примитивность и праздность сплетников [2, с. 64–65]. По содержанию сплетни практически не отличаются от формализованных коммуникаций. Как правило, сплетничают в ситуации «перемывания косточек»: сообщаемые сведения обычно не содержат новостей, но сплетней их делает трактовка известного. Фактически во многих публикациях в СМИ мы имеем дело именно со сплетнями.

Свойства сплетни

На поверхности сплетни – это истории о людях, особенно с негативной направленностью [3, с. 111–121]. Часто сплетни представляются как пустой разговор, не для обсуждения, а для *проведения времени*. Иногда сплетню представляют как форму не прямой агрессии (с целью очернить определенного человека). Есть и другие точки зрения. Р.Ф. Баумейстер с соавторами предположили, что сплетни могут выполнять и другие функции. Прежде всего, это функция социализации: ведь сплетня – это своеобразная повествовательная форма изложения норм общества. Присутствует и познавательная функция: большинство участников опроса, проведенно-

го Р.Ф. Баумейстером с коллегами, отмечали, что из сплетни узнали что-то полезное. Сплетня – это и разговор для поддержания отношений, и дискредитация «мишени». Сплетня может помочь обыденному человеку ориентироваться в сложной и двусмысленной социальной жизни.

Повседневная ложь касается личности самого лгущего

Феномен так называемой обыденной, повседневной лжи был представлен в эмпирических исследованиях Б.М. ДеПауло с соавторами. Содержательно повседневная ложь – это обман относительно своих чувств, действий, планов, знаний и достижений. Обман касается в большей степени личности самого обманщика [4, с. 985–989]. Авторы пришли к выводу, что в большинстве случаев люди оценивают обыденный обман как «ложь защитную» или «ложь во благо». В большинстве случаев участники исследования повторили бы обман. Они не испытывали по поводу обмана ни стыда, ни сожалений, или сожалели весьма незначительно.

Отношение людей к лжи «во благо»

В богословии отношение к «безобидной лжи» также не особенно строго. Согласно П. Загорнику, хотя любая ложь и обман считаются греховными, обман «во благо» не считается смертным грехом: все зависит от намерений [5, с. 31]. Так, обман для пользы другого, который направлен на помощь, обычно смертным грехом не считается.

Социальная жизнь как возможное условие для обмана

Понять столь легкое отношение к такой форме мошенничества, как обыденная ложь, помогают работы Д.А. Каши и Б.М. ДеПауло, которые утверждали, что социальная жизнь сама по себе предполагает ложь. Чем более вовлечен человек в социум, тем более он склонен к обману [6, с. 1039, 1042]. Это не просто прямая зависимость между возможностью говорить неправду в социальных взаимодействиях и ее реализацией: в социальных взаимодействиях ложь одних нередко служит для блага других. Ложь, ориентированная на благо других людей, защищает их от смущения, помогает им избежать неловкого положения, боли, беспокойства и иных неприятностей. Более того, при помощи лжи можно представить их в выгодном свете. Авторы настаивали на амбивалентном значении лжи.

Социально дозволённая ложь

Существуют бесспорные примеры лжецов-альтруистов: священник, скрывающий исповедь преступника, спасатели, не сказавшие раненому мальчику, что его родители погибли под обломками самолета [7, с. 50–57]. Ложь является социально дозволённой, если человек действует в рамках определенных социальных норм, которые узаконивают обман. Когда ложь дозволена, даже эгоистичный обман может не вызвать угрызений

совести. Так, игроков в покер не мучает совесть за то, что они блефуют. То же верно и относительно торгов, где бы они ни проходили. Домовладелец, который сумел продать свой дом гораздо дороже его реальной стоимости, не будет чувствовать за собой никакой вины. Его ложь дозволена: ведь участники сделки ожидают друг от друга именно дезинформации, а не правды.

Мошенничество,
ложь
и предательство

Мошенничество и ложь сосуществуют с *предательством*.

Значимое в русском языке понятие *преданность* выражает позитивное качество человека быть постоянным в своих чувствах, ценностных ориентациях. Амбивалентное преданности качество – склонность к *предательству, изменничеству* (см.: А.К. Толстой. Царь Борис: «Предатель! Переметчик! Иуда ты!»).

Вл. Даль объяснял слово *предатель* как изменник, вероломец, крамольник, лукавый и обычный человек, душепродавец. *Предательствовать*, согласно Вл. Далю, – промышлять предательством, лукавым обманом, снискивая доверенность лестью и изменой.

Предатель – всегда тот, кто предает, изменяет.

Составляющие качества предательства довольно многообразны. По мнению И.О. Вагина, субъект предательства – это близкий человек или человек, связанный с передаваемым какой-либо ответственностью, что позволяет ожидать от него определенного поведения [8, с. 64–65]. Предатель ведет себя вопреки ожиданиям; его действия наносят ущерб интересам передаваемого и причиняют ему вред. И.О. Вагин задается непростым вопросом: «Если человек вольно или невольно отказался соответствовать ожиданиям, то вправе ли мы рассматривать это как вероломство, измену, предательство?». Такие формы предательства, как «крамола», «вероломство» (несоответствие ожиданиям), отход от норм, традиций, вероучения, существуют в культуре человеческого рода как вариант амбивалентного поведения. Однако это всегда негативно оцениваемые качества, порочащие человека.

Предательство
как порождение
культуры

Предательство принимается большинством культур как неизбежное зло. Во время войны, когда предательство нередко морально оправдывалось, оно могло быть расценено даже как героизм. Предательство совсем не безобидно для психики самого предателя. Согласно Ч. Пинчеру, даже при самом большом самообмане человек должен осознавать, что он отказался от честности, которую ранее признавал похвальной, а посему его целостность «на нуле» [9, с. 298–300]. Однако забота предателей об объяснении и оправдании своих действий

Предатель отчужден от своих жертв и от себя самого

связана отнюдь не с этим. Как правило, предателя презирают. Испытывая дискомфорт, предавший стремится оправдать и рационализировать свое поведение публично или хотя бы перед самим собой.

Предатель не только отчужден от тех, кого он предал, но и от тех, кому он послужил своим предательством (они обычно его не принимают и презирают). *Сам предатель отчужден ото всех и от себя самого.*

Манипулирование сопряжено с внушением

Принуждение, манипулирование, обман – это часть скрытых технологий воздействия. Нельзя забывать о приемах воздействия, таких как внушение, психическое заражение. Открытой техникой, помимо принуждения, является также подкуп в том или ином виде.

Исследователям не удается провести четкую границу между манипулированием и внушением, манипулированием и обманом. В большинстве случаев воздействия комбинированы. Манипуляторы при этом всегда отчужденные мошенники и плуты.

Особая форма проявления отчуждения – насилие и убийства

Особая форма проявлений человеческой отчужденности, помимо мошенничества и плутовства, – *насилие и убийства.*

Насилие и убийства всякий раз сопровождаются ненавистью и яростью по отношению к своей жертве.

Согласно В.И. Далю, *ярый* – сердитый, злой, лютый. *Ярость* – свойство, сильный гнев, озлобление, зверство, неистовство; порыв силы бессмысленной и стихийной. *Яростный* – лютый, звероватый, неукротимый. *Яриться* – горячиться, кипятиться, злиться, злобиться, лютовать, свирепеть и свирепствовать.

Яростный всегда ненавидит ближнего. Чувство ненависти – своеобразный антипод любви. Ненависть – крайний вариант недоброжелательности и агрессии.

Г.М. Бреслав предложил многомерную теорию ненависти [10, с. 371–376]. Он выделил несколько компонентов ненависти. Первый компонент – дистанцирование, исходное отвращение к другому, отношение к нему как существу более низкого порядка, не заслуживающему сочувствия и снисхождения. Второй компонент – страсть, которая представляет собой интенсивный страх или гнев в ответ на реальную или мнимую опасность. При этом человек или «группа-мишень» представляются угрозой для общества, монстрами. Третий компонент – оценка объекта ненависти как неполноценного существа, девальвация его человеческой природы. Этот перечень компонентов позволяет предположить, что без страсти ненависть не состоится.

Виды ненависти

Г.М. Бреслав описал виды ненависти. Соответственно доминированию каждого из компонентов предлага-

ется определенный тип ненависти. При доминировании *отвращения* действует рассудочная ненависть. В этом случае «мишень» воспринимается как «мусор», от которого следует дистанцироваться. При доминировании *страха* или *гнева* типична «горячая» ненависть. При доминировании девальвации человеческой природы – «холодная» ненависть (нечто вроде предрассудка). Среди иных типов ненависти выделяются: «кипящая», основанная на отвращении; «негодующая», основанная на нетерпимости к действиям «мишени»; «бурлящая» – основанная на оскорблении, она предполагает опасность «мишени»; «сжигающая» предполагает «мишень» как нечто недостойное существования вообще.

Сопряженные с ненавистью отчуждающие чувства

В исследовании П. Куттера выделен континуум из ряда таких чувств, как *неприязнь*, *злость* или *озлобленность*, *враждебность* [11, с. 71–77]. По мнению П. Куттера, *злость* – это реакция, довольно близкая *негодования*. *Озлобленность* – результат подавления злости, форма хронической неприязни, которую человек питает к своему оппоненту. В данном случае правомерно вести речь о характере, доминирующей чертой которого является *ненависть*.

Гнев как чувство сильного негодования

Злоба, неприязнь и ненависть могут перерасти в *гнев*, который настолько силен, что «кровь закипает в жилах», и взбешенный, разъяренный человек «выходит из себя», «рвет и мечет» и готов обрушиться на любую преграду, вставшую на его пути. Согласно П. Куттеру, гнев следует отнести к разряду аффектов, охарактеризовав его тем самым как кратковременную непосредственную реакцию на внешний раздражитель (в данном случае – оскорбление).

Враждебность как предубеждение против конкретного человека

Различают гнев и враждебность.

Враждебность в русском языке означает состояние враждебного, неприязненного. *Враждолобец* – охотник до вражды, склонный к ссорам, противник миру. Вл. Даль счел правомерным воссоединить со словами *враг*, *вóрог* однокоренные *ворождебник*, *враждовать*, *враждоваться*, *враждебничать*, *враждебствовать*, *враждование*, *враждествование*, *враждебничанье*, *враждебство*, *вра́жда* (арх.) и много других слов, до сих пор понятных нашему разумению.

По сей день мы понимаем под словом «*вражда*» отношения и действия, проникнутые неприязнью, ненавистью; а под *враждебностью* – свойство человека, проявляемое им в неприязненном отношении к другому.

Враждебность – это совокупность ощутимых аффективных реакций, формирующих предубеждение против

Насилие как
принудительное
воздействие
на другого

конкретного человека. Враждебность – отчужденность человека от человека, основа для последующего *насилия*.

Слово *насилие* в русском языке сопряжено со словами *насилывать* или *насиловать*, *насилить* – силовать, принуждать, нудить к чему силой, неволить. У Вл. Даля множество однокоренных слов, близких по значениям и смыслам: *насилывание*, *насилованье*, *насильство*, *насильный*, *насильственный*, *насильчавый*, *насильник*, *насилывать*, *насилитель*, *насилователь*. Все это сущность таких смыслов, как притеснитель, обидчик, своевольник, самоуправщик, всяк достигающий воли своей *насилием*.

Насилие представляет собой очевидное враждебное поведение человека, не гнушающегося применять физические или психологические средства для того, чтобы травмировать противника, прямо или косвенно ему навредить.

Среди разных форм насилия выделяют *унижение*, *насилие физическое*, *сексуальное*, *моральное*, а также угрозы насилия и реальные убийства [12, с. 137–139]. При этом значим факт субъективного восприятия насилия как такового. Как правило, объект насилия боится агрессора, чувствует себя в опасности, оскорблен и унижен. В то же время жертва насилия в силу психологических особенностей может чувствовать себя сопричастной к насильнику в его несправедливых асоциальных действиях.

Вспышки ярости,
выражающиеся
в насилии
и убийствах

Гнев на другого может вызвать *вспышки ярости*; гнев может внезапно проявляться в виде *вспыльчивости или ярости*.

Ярость по своей сущности амбивалентна: она отчуждает ярящегося от жертвы и в то же время освобождает от напряжения, от накопившихся отрицательных эмоций. Ярость, которая находит свое выражение в насилии, жестоких поступках, пытках и убийствах, оказывается деструктивной. Вместе с тем правомерно говорить и о «страстной» ярости, которая характерна для людей, горячо увлеченных каким-то предприятием, не желающих никому ни в чем уступать, яростно защищающих свое детище. Такая ярость может быть конструктивной.

Неприязнь
к другому может
быть длительным
негативным
чувством

Ярость нередко сопряжена с ненавистью и сарказмом. Основные причины страстной ненависти – неизбывные обиды, оскорбления, душевные травмы и унижения [11, с. 71–77].

Сарказм – язвительная насмешка, содержащая уничижительную оценку другого, язвительные едкие замечания.

Сарказм призван унижить ближнего. Зачастую сарказм сопряжен со *злорадством* – чувством, которое чело-

век может испытывать, когда от соперника отворачивается удача.

Ярость и сарказм сопряжены с неприязнью.

Неприязнь – недоброжелобное, недоброжелательное чувство и отношение к другому, нерасположение. Неприязнь порождает отношение к другому как к неприятелю. *Неприятель* – это всегда тот, кто неприязненно, враждебно относится к кому-либо другому.

Согласно Вл. Далю, *неприятель* – недруг, недружье, недоброжелатель, нелюб, враг, вóрог, ненавистник, противник, супротивник, злыдарь, зложелатель, злорадник, злодей, обинчик, наступник, притеснитель, губитель. Здесь же речь идет о неприятельских замыслах, о неприязни и многих других состояниях человеческой души.

Неприязнь к определенному человеку (как правило, к сопернику) является длительным, мощным чувством, которое перерастает в *ненависть* всякий раз, когда приходится сталкиваться с этим человеком.

Особая форма неприязни и враждебности, для которой характерна задержка в проявлении непосредственной агрессии, – *месть*. Цель мести – отплатить обидчику или тому, кому завидуют, за причиненные страдания. Чем серьезнее нанесенное оскорбление, тем сильнее желание отомстить за него. Подобные чувства вполне понятны, но с точки зрения нравственности неприемлемы.

Среди агрессивных форм поведения можно выделить *унижение другого* как квинтэссенцию негативного намерения. В трактовке В. Гейлин унижение другого является высшей формой «деградации» или, в современном русском жаргоне, «опускания» человека* [13, с. 47–48]. Суть унижения – в публичности. Когда факт несостоятельности жертвы унижения становится достоянием гласности, этот человек автоматически отчуждается не только от своего обидчика, но и от других членов группы. *Стыд* перед другими, который сопровождает унижение, даже важнее самого акта унижения. Унижение трактуется как социальный феномен, в котором человек принудительно отчуждается от группы.

Жестокость – еще один негативный психологический феномен. В русском языке слово «жестокий» имеет множество нюансов значений. Согласно Вл. Далю,

* Опустить: 1 – унизить, изгнать с позором; 2 – совершить насильственный акт мужеложества; 3 – обыграть в карты. [См.: Словарь тюремно-лагерного блатного жаргона. – М., 1992. – С. 161].

Проявление неприязни и агрессии в виде мести

Унижение другого в контексте агрессии

Жестокость как негативный психологический феномен

жестокый: немилосердный, немилостивый, безжалостный или бесчеловечный, не знающий жалости, сожаления, сочувствия; безмерно строгий, суровый, тяжкий или мучительный, невыносимый, бедственный, неодолимо грозный, неумолимый, жестокосердный, жестокосердный и много других слов.

Родственные, однокоренные слова: жестокость, жесточество, жестоқан (арх. жестокосердый), жестококонравный, жестокосердый, нечувствительный, немилосердный или несочувствующий.

Однако психологических исследований жестокости не так много: и теоретически, и эмпирически жестокость практически не исследована. В работах историков, психиатров и представителей других заинтересованных наук можно найти выразительные портреты жестоких злодеев.

Как типично жестокий злодей описывался А.А. Аракчеев, которого В.Ф. Чиж вполне обоснованно отнес к «рабам». По мнению автора, психологическая характеристика А.А. Аракчеева весьма наглядно объясняет, что «раб» жесток при достижении целей личного благополучия; жестокость не делает его сильным, потому что причина его жестокости – *человеконенавистничество*, а не стремление к высшим целям. Он заслуживает лишь презрения.

Иван Грозный по своей жестокости не уступал А.А. Аракчееву и даже превосходил его. Бесспорно, Грозный-царь был сильный человек, и он не был «злодеем» [14, с. 13].

В.Ф. Чиж описал и иного властелина – Павла I. По словам современников, он был жесток и крайне бесщеден даже по отношению к тем, с кем хотел быть милосердным. Жесток без намерения сделать зло [14, с. 216–217]. Жестокость Павла I коренилась в отсутствии эмпатии, сострадания и сочувствия.

Жестокость – одна из характеристик насильственных преступников.

Ю.М. Антонян указывал, что многие криминологические исследования убедительно свидетельствуют о том, что *насильственных преступников отличает психологическое дистанцирование от других людей* [15, с. 60–62]. Многие из этих преступников одиноки и замкнуты; у них мало друзей и близких знакомых; они не имеют семьи и не стремятся завести ее; они долго нигде не работают и переезжают из одного места в другое; некоторые из них ведут бездомное существование, бродяжничают. Для насильственных преступников харак-

Жестокость как особенность насильственных преступников

терно стремление к уединению: еще в детстве они предпочитали игры в одиночку. Названные личностные особенности чаще наблюдаются среди насильственных, насильственно-корыстных преступников и воров. Отчуждение от общества в целом, от его ценностей формирует особый психологический настрой, особую позицию по отношению к окружающему миру и самому себе (нередко из-за ощущения своей ненужности, брошенности, неприспособленности к жизни). Именно указанные признаки в совокупности с антиобщественными, аморальными взглядами и ориентациями отличают преступников от не преступников.

Личностные черты насильственных преступников обладают типичной негативной психологией. К этим особенностям относятся: 1 – застревание аффекта (ригидность); 2 – импульсивность; 3 – подозрительность; 4 – злопамятство; 5 – гиперчувствительность к межличностным отношениям; 6 – авторитарность; 7 – цинизм; 8 – отчужденность; 9 – нарушенная социальная адаптивность. При этом следует отметить общее негативное содержание ценностно-нормативной сферы: у них доминируют ценностные ориентации на аморализм. Им свойственна преимущественная идентификация с лицами, стоящими в маргинальной социальной позиции по отношению к законопослушанию. Мораль, существующая в обществе, отторгается ими. В их сознании доминирует позиция «цель оправдывает средства». Им свойственно отсутствие ценностного отношения к труду [16, с. 157–158].

В своих исследованиях преступников В.С. Мухина находила, что факт совершения насильственных преступлений является не только результатом генотипа, социальных условий и особенностей внутренней позиции самого преступника, но и сам по себе новым, из ряда вон выходящим *условием, трансформирующим и разрушающим личность*. Насильственный преступник автоматически уходит за пределы того, что принято считать бесконечным потенциалом рода [16, с. 156].

Ряд аспектов отчуждения, типичных для преступников и делинквентов в целом, представлен в многочисленных работах криминалистов и психологов. Анализ результатов исследований позволил Р. Блэкборну привести обобщенные данные, согласно которым уже в подростковом возрасте у делинквентов (особенно агрессивных) крайне выражен *эгоцентризм*, проявляющийся в неспособности принять на себя роль «обобщенного другого» [17, с. 279–251].

Делинквенты
отличаются
эгоцентризмом

Стремление к насилию – стремление к самоутверждению

У субъектов, совершивших тяжкие насильственные преступления, по данным Н.П. Дубинина с соавторами, *в основе лежит проявление своего «Я»* [18, с. 224]. В большей части изученных преступлений за насильственными действиями стоит стремление к установлению авторитарной власти (подчинения, превосходства и страха). Часто это стремление к насилию, стремление к самоутверждению, превосходству над окружающими, к власти, а также эгоцентризм [16].

Практически той же точки зрения придерживались С. Палмер и Д.А. Хампри. Согласно этим авторам, девиация может служить для достижения идентичности и самоутверждения [19, с. 14–15]. Так, *человек может совершить сексуальное насилие лишь для того, чтобы утвердить в собственных глазах свою сексуальную силу*. В тюремной иерархии насильственные преступления также «престижны».

Хулиганство как особое проявление насилия

Особое проявление насилия – *хулиганство*.

В основе хулиганства иногда лежат малоосознанные, импульсивные действия, игнорирование социального контроля. Такого рода преступления характеризуются внезапно возникшим побуждением на основе злобы, личной неприязни, гнева, ярости и мотивационной ригидности преступника. Хотя некоторые преступления совершаются спонтанно, возможны и иные причины, такие как аффект, ярость или экстремальные ситуации.

Насилие присуще грабежу, разбою и другим агрессивным проявлениям

Насилие может реализовать корыстные установки (при грабеже, разбое, бандитизме, вымогательстве). Проявляемая при этом жестокость может выступать в качестве *мести* окружающему миру за собственные неудачи, бедность, неустроенность, обделенность благами и др. [14, с. 70–71]. Насилие может выступать и как «инструмент мести» того агрессора, который вольно или невольно чувствует несостоятельность, незначительность, несущественность своей преступной личности. Тем самым *преступник не только реально и символически «воздаст обидчику», но мстит и утверждает себя* в собственных глазах. Мотив мести и самоутверждения имеет большое распространение в поведении преступника.

В основе тяжелых страстей может быть *гордыня*. Именно гордыней объясняется особая жесткость при совершении некоторых разбойных нападений, когда происходят бессмысленные избиения и убийства. Насильственные действия существуют в контексте насильственных преступлений. Главным мотивом убийцы становится то, что лежит в глубине его сущности, – стремление утвердить себя, встать над другим. Основа

Насильственное
подавление чувства
личности другого

агрессивных действий преступника – гордыня, стремление к самоутверждению.

Стремление к насильственному самоутверждению *через подавление чувства личности другого* – весьма распространенное явление в человеческих проявлениях. Насилие может проявляться в физическом и личностном подавлении человека.

Основным мотивом изнасилований нередко является (как и в большинстве насильственных действий) *самоутверждение* [20, с. 55, 58–61]. Согласно Д.Л. Дарке, сексуальные преступления совершаются для удовлетворения потребности во власти и выражения гнева. Насилие является попыткой физически и эмоционально контролировать другого человека. При насилии достигаются власть и контроль над другим человеком, жертва подвергается унижению. *Подавление* – средство для унижения. По заявлениям самих насильников, в девяти случаях из десяти секс был для них вторичен. Наиболее важными причинами насилия были гнев или потребность доминировать. При этом многие насильники специально подчеркивали, что хотели унизить свою жертву.

Садизм как
патология агрессии

Особое место в отчужденных проявлениях человека занимает *садизм*.

Феномен садизма не «приписан» к определенному насильственному действию. Могут быть садистические изнасилования, убийства, нанесения тяжких телесных повреждений. В исследовании Д.Д. Баеза и Е.Т. Турвей термин «садизм» применялся для описания широкого круга преступных действий [21, с. 427, 430]. Под садизмом авторами понимались как мотивация, так и обстоятельства преступления. В понимании авторов термином «садизм» можно описать поведение, в котором намеренно причиняется психологическое или физическое страдание вменяемой жертве*, способной испытывать боль и (или) унижение. Чтобы отнести причинение страдания к садизму, оно должно быть относительно продолжительным и быть связано с сексуальным возбуждением или удовлетворением со стороны субъекта. Авторы считают термин «сексуальный садизм» избыточным, так как, по их мнению, сексуальный мотив обязателен для садизма, именно он отличает садизм от остальных форм жестокости**.

* Вероятно, здесь это более адекватный перевод «conscious», чем «осознающей» (А.А. Хвостов).

** В современной психологической литературе термин «садизм» используется в весьма расширительном значении; нередко любая жестокость приравнивается к садизму.

Убийство другого человека

Особый феномен человеческих взаимодействий – *убийство другого человека*. Согласно Ю.М. Антоняну, человек, причиняющий другому *смерть*, самоутверждается, подтверждает свое «я», свое могущество [15, с. 72–73]. Если он способен причинить смерть, значит, он в какой-то мере распоряжается, владеет ею, а это тоже способно уменьшить собственный страх садиста перед смертью.

Особенно выделяется страх перед смертью у так называемых некрофильских личностей. *Некрофилия* – влечение к трупам, к убийству. Страх перед смертью играет исключительную роль в этом преступном поведении. В числе некрофилов сексуальные и корыстные убийцы, террористы, лица, совершившие несколько убийств, преступные диктаторы и т.д. Некрофилы могут совершать убийства, чтобы снять или хотя бы уменьшить страх смерти, сделав ее близкой, понятной и логичной. Если смерть исходит из собственных рук, если простой смертный способен убить другого, значит, смерть не так уж и страшна.

Мотивы социальной ненависти

Помимо мотива самоутверждения, О.С. Капинус выделил мотивы расовой и религиозной ненависти и вражды [22, с. 101–103, 116–121, 131]. *Мотив социальной ненависти* или вражды можно определить как стремление продемонстрировать свое ненавистное отношение к человеку по причине социальных различий или социального превосходства.

В настоящее время все сильнее намечается тенденция обострения социального неравенства, под которым понимается усиление контраста между различными социальными группами, которое возникает в результате образования класса богатых и класса бедных. Анализ судебно-следственной практики показывает, что в 10% уголовных дел, в которых мотив назван как «внезапно возникшие личные неприязненные отношения», на самом деле имел место мотив социальной ненависти [22].

Чувство мести, ненависть и зависть

Мотив социальной ненависти сопряжен с чувством мести.

Месть – намеренное причинение зла с целью унижить человека, отплатить злом за тяжелые переживания, злом за зло, воздать за обиду. Вл. Даль включил в свой словарь однокоренные значения и смыслы: мститься, мстить, мщение, мститель, мстительный.

Мстит – совершать акт мести по отношению к кому-либо. *Мститель* – тот, кто мстит из-за благородных или низких мотивов. Понятие «мститель» может иметь амбивалентное значение.

Мечь как мотив поступка, преступления представляет собой обусловленные негативными чувствами внутренние побуждения, выражающие стремление получить удовлетворение за причиненные переживания, оцениваемые как существенно затрагивающие интересы виновного лица или его близких. Значительную связь с мечью имеют такие чувства, как *ненависть* и *зависть*. Как и мечь, ненависть и зависть связаны с желанием причинить зло другому человеку.

Среди побудительных стремлений, направляющих человеческое поведение, значительное место занимает *тщеславие*. Как правило, тщеславие выступает дополнительным мотивом убийства.

Феномен серийных убийств

Среди убийств следует выделить серийные убийства. *Серийные убийства* – сложный феномен, который описывается психопатологическими и психологическими терминами. Б.Е. Турвей счел, что в большинстве своем серийные убийства – следствие нашей надменности, нашего отчуждения и недостатка близости [23, с. 513–528]. Фактически автор говорил о том, что преступники – это мы, и мы – это они. Согласно мнению Б.Е. Турвея, преступники-убийцы психологически доводят себя до крайности надменностью, отчужденностью и т.д., но и общество подчас само создает для этого все условия. Того же мнения придерживается В.С. Мухина. Она указала на «абсолютное отчуждение преступника от своей жертвы» [16, с. 29, 77, 106, 148, 265, 272], на внутреннюю позицию самого преступника [16, с. 153–156], на вседозволенность [16, с. 64], на эмоции необузданного гнева и помраченного сознания [16, с. 51–53, 60, 94]. Совершение насильственных преступлений выступает как условие, деструктурирующее и трансформирующее личность [16, с. 167]. Насильственные преступники становятся зависимыми от фиксированных в поведении способов действия и от «вросших» идей» [16, с. 263–264].

Насильственные преступления

Насильственные преступления в виде терроризма сегодня весьма распространены в мире. По мнению В.Л. Васильева, ядро деструктивных террористов составляют, как правило, искренние фанатики, готовые идти на смерть из-за своих убеждений. Для личности террориста характерно негативное мироощущение, которое сопровождается субъективным ощущением личной и социальной неадекватности. В результате для личности террориста характерна позиция «Я хороший, мир плохой», которая становится средством моральной самозащиты, позволяющей оправдать любые деструк-

тивные действия [24, с. 381]. Деятельность террористов принимает характер деструктивной самореализации. При этом через отрицание зарождается концепция уверенности в своей правоте, которая сводит к минимуму возможности позитивного воздействия как на террористическую группу, так и на отдельного террориста.

Взгляды О.С. Капинус и В.Л. Васильева скорее не противоречат, а взаимно дополняют друг друга.

Террорист не всегда мстит, не всегда ненавидит. Он полагает, что может просто «переделать» этот несовершенный мир.

Абсолютное отчуждение – особенность насильственных преступников

Помимо самоутверждения, ненависти, ярости и иных мотивов, важный аспект личности преступника – мотивация, делающая убийство и насилие возможными. Преступник, убийца обычно исповедует аморальные ценности. Ф.М. Достоевский, потрясенный своими открытиями особенностей ценностного мира отбывающих каторгу, писал о них: «Ни признаков стыда и раскаяния!» [25, с. 13]. При этом писатель отмечал *общую зверскую бесчувственность и нравственное уродство этих людей* [25, с. 16]. Сегодня наука причисляет этот тип преступников к *социопатам*. Во всяком случае, речь всегда идет о поврежденном самосознании [16, с. 541].

Абсолютное отчуждение – особенность насильственных преступников. С одной стороны, это нечто вроде морального или нравственного отчуждения. Некоторые убийцы могут быть отнесены к тому классу преступников, отличительной чертой которых является *нравственная тупость*, доходящая у некоторых из них до степени полного нравственного идиотизма [26, с. 14, 72–73]. С другой стороны, для них типично абсолютное отчуждение от своих жертв. Часто совершенно отсутствуют жалость к ближнему и чувство сострадания – движения столь естественные для нормальных людей [16].

Убийцы часто питают к жертве чувство озлобления

Убийцы обычно не проявляют жалости к своим жертвам, а нередко даже питают к ним озлобление. Недочеты со стороны психики убийц, выражающиеся в отсутствии человечности, жалости к жертве и неспособности правильно оценить свои действия, служат, с одной стороны, причиной ярости и жестокости, а с другой, объясняют редкие среди них случаи раскаяния. Если они когда-нибудь и сожалеют о совершенном деянии, то лишь постольку, поскольку оно неблагоприятно отразилось на их судьбе [16, с. 140, 170, 184, 200, 272, 277, 416, 541].

Кроме того, убийцы несут в себе так называемый *застывший стресс*, или застывший аффект, который поселяется в сфере психики навсегда [16, с. 169, 171, 181–182, 187, 230, 492]. Так что повторяющаяся готовность к убийству может быть обусловлена не только социальными провокациями, но и аффектами запечатлений тех переживаний, которые сопутствовали самому акту убийства.

Повторяющееся преступное поведение

По мнению Н.П. Дубинина с соавторами, повторяющееся преступное поведение (рецидив) предопределено социальными факторами. Прежде всего, это отчуждение от той среды, в которую попадает человек после освобождения. Само по себе отчуждение приобретает разные формы, это могут быть отчужденные отношения в новой группе, в которой отчужденность – норма. В некоторых случаях неудовлетворительные отношения складываются по вине самих рецидивистов, которые считают завышенными предъявляемые к ним требования и не способны к конструктивным отношениям. По мнению авторов, этому способствует то, что в условиях заключения культивируются непомерное честолюбие и самолюбие, что создает особые трудности для адаптации [18, с. 207–208]. Рецидивисты могут быть отчуждены от своей работы, поскольку считают ее временной.

Военные преступления и отношения к ним в обществе

Особый вид насильственных преступлений – военные преступления. Л.В. Трубицина проанализировала ряд мнений относительно психологии военных преступлений. Она полагала, что разрешение «старшего» часто позволяет солдатам отвергнуть чувства ответственности и вины за действия, которые они сочли бы отвратительными в других обстоятельствах [27, с. 60–61]. У войны нет полутонов. Здесь люди – это друзья или враги; хорошие или плохие; на нашей стороне или на чужой. Поэтому, вероятно, грабежи и убийства, средневековые пытки и жестокость к пленным, извращенное сексуальное насилие в отношении населения (особенно на чужой территории), вооруженный разбой и мародерство составляют неотъемлемую часть любой войны и относятся не к единичным, а к характерным явлениям для любой из воюющих армий.

Еще один вид убийства – убийство противника на войне, которое убийством юридически не считается. Субъективно обычно тоже. Для этого существуют определенные формы психологической защиты: отчуждение от себя и от противника. Л.Я. Гозман и Е.Б. Шестопал полагали, что деиндивидуализация (как отчуждение от себя) помогает человеку преодолеть тяжелей-

ший психологический барьер – убивать себе подобного [28, с. 326]. Именно в этой связи, по мнению авторов, таится секрет боевой раскраски воинов древних племен: скрывая лицо воина и маскируя лицо, раскраска помогает ему преодолеть барьер перед убийством другого человека. Вероятно, маска дает возможность вести себя более жестоко и преступать природные запреты. При отказе от своего «я» человек отрекается и от личной ответственности. Когда он теряет личную независимость в сообществе себе подобных, он находит для себя новую свободу – свободу ненавидеть и убивать. Человек освобождается от страха колебаний, сомнений и совестливости – того, что нормально для сознания самостоятельной личности.

Нравственная
ответственность
в условиях войны

Согласно Ролло Мэю, само объявление войны позволяет солдату передать всю нравственную ответственность командованию. Этот момент столь часто указывается в критике военной машины, что ни у кого не возникает и тени сомнения в том, что война разрушает индивидуальную ответственность и автономию совести. При этом Р. Мэй выделил механизм отчуждения от своей нравственности – «экстаз насилия», в котором индивидуальное «я» незаметно превращается в коллективное «мы»; «мое» становится «нашим». Но если в первом случае происходит «передача» ответственности (я убиваю по приказу), то во втором – «распределение» («мы» убиваем) [29, с. 212–213].

Феномен толпы

Нравственная ответственность обычно исчезает не только в военном сообществе на поле боя, но и в толпе.

Нетрадиционное понимание современной толпы представлено в работах Сержа Московичи. Для него толпа – это не нечто аморфное и хаотичное, а напротив, нечто противостоящее случайному скоплению людей. Как провозгласил С. Московичи, в современном обществе, когда массы налицо: «Индивид умер, да здравствует масса!» [30, с. 416].

Согласно С. Московичи, проблема психологии толп была заявлена, чтобы раскрыть феномен массового общества. Правящему классу надо знать, что делать перед лицом масс, путающих политическую игру, – игру, из которой они уже не выйдут в обозримом будущем. Психология толп становится главным предметом новой политики [30, с. 417].

Сама толпа обладает типичной феноменологией. В толпе люди не имеют имен, зачастую лишены национальности либо экономического и социального статуса. Возможен и противоположный феномен: имен-

но идея национальности или того же социального статуса может объединять людей в толпу. Вероятно, чувство растворения собственного «я» в условиях толпы способствует рождению социальных теорий равенства и братства. Главное: толпа – условие деиндивидуализации.

Согласно Э. Хофферу, *деиндивидуализация* в толпе – необходимое условие полной интеграции и самоотверженной преданности отдельного человека [31, с. 118].

Деиндивидуализация в толпе, как полагает В.С. Мухина, происходит тогда, когда человек исходит из своей двоичной природы (как социальная единица и как уникальная личность) в сторону одной лишь социальной единицы, управляемой внешними обстоятельствами [32, с. 14, 717, 808–832, 972].

Групповые
преступления

В групповых преступлениях некоторые соучастники, не принимая осознанно роль подчиненного лидеру и не преследуя свои цели (в основном корыстные), попадают в своеобразную психологическую зависимость от субъективно значимого авторитета [33, с. 126]. Такого рода действия трактуются в рамках «суггестивной мотивации» (с привлечением для объяснения таких понятий, как «внушение», «подражание», «психическое заражение» и т.п.). При таком понимании акцент делается не на межличностном взаимодействии, а на воздействии одного лица на другое. При этом объект воздействия описывается как пассивный, не обладающий какой-либо психической активностью и свободой воли человек.

Насилие вследствие
неудовлетворенно-
сти социальных
потребностей

Иную трактовку насилия предложил И.Я. Гилинский. По его мнению, субъективные факторы насилия основаны на неудовлетворении социальных потребностей (в престиже, статусе и самоутверждении) [34, с. 286–287, 290]. В этом случае насилие приобретает форму самоутверждения («комплекс Герострата»). Конечно, витальные потребности также могут привести к борьбе и насилию, но автор считает, что это насилие не столь агрессивно, как при борьбе за социальный статус.

И.Я. Гилинский подчеркивал различие между насилием в человеческом обществе и агрессивностью животных. Агрессия животных всегда инструментальна – из-за пищи, самки. Агрессия животных никогда не превращается в самоцель из зависти, мести, по мотивам ненависти. Агрессия присуща всему живому, но она качественно отлична от насилия. *Насилие присуще только человеку.*

Подростковые
и молодежные
преступные
группировки

Подростковые и молодежные преступные группировки могут трактоваться как мало структурированные, близкие по своим характеристикам к «массам». М.Р. Готтфредсон и Т. Хирши описывали подростковые группировки как недолговечные, нестабильные, неорганизованные объединения [35, с. 157–159]. В этих группировках нет целей, не распределены обязанности, слабы внутренние связи. Тем не менее подростки в сообществе друг с другом часто совершают делинквентные или преступные действия, которые невозможно совершить в одиночку.

Противоположной точки зрения придерживался А.П. Голдстейн. Он считал, что молодежные банды в основном хорошо организованы по всем параметрам (хотя не отрицал «временность» таких их группировок). Согласно А.П. Голдстейну, человека приводит в банду отчуждение [36, с. 256–257]. Отчуждение, весьма сходное с тем, которое приводит к появлению вполне безобидных хиппи, байкеров, металлистов и иных молодежных течений. Отчуждаясь от общества и некоторых сообществ сверстников по социальным причинам (происхождению, материальному или образовательному статусу), молодежные асоциальные группировки образуют структуру, в которой отчуждение специально поддерживается. Группировки часто имеют «свою» территорию и свою атрибутику.

Масса и толпа

Масса в трактовке Г. Блуммер весьма четко отличается от толпы. Масса возникает в результате спонтанного коллективного группирования; масса – анонимная группа; между членами массы почти нет взаимодействия и обмена переживаниями [37, с. 553]. Массой могут быть участники «золотой (земельной) лихорадки» (того, что называется ажиотажем). Каждый старается опередить другого, проявляя подчас высокое самообладание и отчуждение. Отчуждение в конкурентной борьбе максимально.

Феномен
одинокчества
в толпе

Различного рода феномены отчуждения в социуме могут определяться как «одинокчество в толпе», хотя под толпами могут пониматься совершенно разные «массовидные явления».

Равнодушие
и враждебность

Помимо *равнодушия* как формы отчуждения в толпе мегаполиса, В.В. Парцвания-Чараия описал также *взаимную враждебность* [38, с. 271–272]. Причина этого отчасти в «социальной тесноте». Окружающие люди мешают друг другу – отношение к окружающим становится все более эгоцентричным, поскольку трудно испытывать естественный интерес к тем, кого человек не

Природная
и социальная
потребность
в дистанции

знает и не любит. Потребность «брать» начинает преобладать над способностью «давать», потому что в такой тесноте необходимо прежде всего бороться ради того, чтобы выдержать условие социальной тесноты.

Теснота способствует сокрытию отчужденности, так как люди как будто вместе, однако природная и социальная потребность в дистанции реально отчуждает людей друг от друга, вызывая напряжение и агрессию.

Мошенники и плуты, насильники и убийцы – та категория людей, которую отличает выраженная *эмоциональная холодность* и *отчуждение* от тех ужасных переживаний, которые навлекают эти чудовища на избранную ими жертву.

Пороки культуры
и пороки каждого
отдельного человека

Мошенничество и плутовство, насилие и убийства мы рассматриваем как вариант аддиктивного поведения [39, с. 61, 82, 90, 110, 116, 146, 183–184]. Низкие качества, являющиеся сущностной особенностью асоциальных субъектов, неизбежно приводят их к личностной дезорганизации и выраженному отчуждению от человеческой сущности. По существу, низкие качества кардинально изменяют позицию человека по отношению к другим людям. Сюда следует прежде всего отнести гневливость и тщеславие [39].

Мошенники и плуты, насильники и убийцы – всегда частичные, парциальные личности, отчужденные от других. Эта категория людей всегда предатели – они разрушают самые значимые человеческие качества: доверие, сорадость, сочувствие, доброту и любовь к ближнему.

Мошенничество и плутовство, насилие и убийства являются пороком культуры и пороком каждого отдельного человека, который несет в себе эти ужасающие свойства, направленные против человеческого рода.

1. Гутнер Г.Б. Отчуждение в коммуникативных практиках // Человек. – 2008. – № 5. – С. 47–54.

2. Горбатов Д.С. Сплетничество как социально-психологический феномен // Психологический журнал. – 2009. – Т. 30. – № 1. – С. 64–72.

3. Baumeister R.F., Zhang L., Vohs K.D. Gossip as Cultural Learning // Review of General Psychology. – 2004. – Vol. 8. – № 2. – P. 111–121.

4. DePaulo B.M., Kashy D.A., Kirkendol S.E., Wyer M.M., Epstein J.A. Lying in everyday life // Journal of Personality and Social Psychology. – 1996. – Vol. 70. – № 5. – P. 985–989.

5. *Zagorin P.* Ways of Lying: Dissimulation, Persecution, and Conformity in Early Modern Europe. – Cambridge (Mass.); L., 1990.
6. *Kashy D.A., DePaulo B.M.* Who Lies? // Journal of Personality and Social Psychology. – 1996. – Vol. 70. – № 5.
7. *Экман П.* Психология Лжи. – СПб., 2007.
8. *Вагин И.О.* Психология зла. Практика решения конфликтов. – СПб., 2001.
9. *Pincher Ch.* Traitors. The Labyrinths of Treason. – L.: Sidgwick&Jackson, 1989.
10. *Бреслав Г.М.* Психология эмоций. – 3-е изд., стереотип. – М., 2007.
11. *Куттер П.* Любовь, ненависть, зависть, ревность. Психоанализ страстей: пер. с англ. – М., 2004.
12. *Lejoyeux M, Fichelle A, Saliou V.* Domestic Violence: Main Result from French Studies // Violence and Aggression Around the Globe / Ed. By P.M. Verrity. – N.Y., 2007.
13. *Gaylin W.* The Rage Within: Anger in Modern Life. – N.Y., 1989.
14. *Чиж В.Ф.* Психология злодея, властелина, фанатика. Записки психиатра. – М., 2001.
15. *Антонян Ю.М.* Человеческая природа и преступление // Философские науки. – 2008. – № 5. – С. 58–76.
16. *Мухина В.С.* Отчужденные: Абсолют отчуждения. – 2-е изд. – Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2010.
17. *Блэкборн Р.* Психология криминального поведения: пер. с англ. – СПб., 2004.
18. *Дубинин Н.П., Карпец И.И., Кудрявцев В.Н.* Генетика, поведение, ответственность: О природе антиобщественных поступков и путях их предупреждения. – 2-е изд., перераб. и доп. – М., 1989.
19. *Palmer S., Humphrey J.A.* Deviant Behavior: Patterns, Sources, and Control. – N.Y.; L., 1990.
20. *Darke J.L.* Sexual Aggression. Achieving Power through Humiliation // Handbook of Sexual Assault: Issues, Theories and Treatment of the Offender / Ed. by W.L. Marshall, D.R. Laws, H.E. Barbaree. – N.Y.; L., 1990.
21. *Baeza J.J., Turvey B.E.* Sadistic Behavior // Turvey B.E. Criminal Profiling: An Introduction to Behavioral Evidence Analysis. / Contributors: J.J. Baeza et al. – 2 ed. – Amsterdam, 2003.
22. *Капинус О.С.* Убийства: мотивы и цели. – М., 2003.

23. *Turvey B.E. Serial Homicide // Turvey B.E. Criminal Profiling: An Introduction to Behavioral Evidence Analysis. / Contributors: J.J. Baeza et al. – 2 ed. – Amsterdam, 2003.*

24. *Васильев В.Л. Юридическая психология: учебник. – 5-е изд., доп. и перераб. – СПб., 2005.*

25. *Достоевский Ф.М. Записки из мертвого дома // Полн. собр. соч.: в 30 т. – Т. 4. – Л., 1972.*

26. *Лобас Н.С. Убийцы. (Некоторые черты психологии преступников). Со снимками преступников. – М., 2008.*

27. *Трубицына Л.В. Процесс травмы. – М., 2005.*

28. *Гозман Л.Я., Шестопал Е.Б. Политическая психология. – Ростов н/Д, 1996.*

29. *Мэй Р. Сила и невинность: пер. с англ. – М., 2001.*

30. *Московичи С. Наука о массах // Психология масс. Хрестоматия ; ред.-сост. Д.Я. Райгородский. – Самара, 2001. – С. 397–534.*

31. *Хоффер Э. Истинноверующий. – Минск, 2001.*

32. *Мухина В.С. Личность: Мифы и Реальность (Альтернативный взгляд. Системный подход. Инновационные аспекты). – 2-е изд., испр. и доп. – М., 2010.*

33. *Сафуанов Ф.С. Психология криминальной агрессии. – М., 2003.*

34. *Гилинский И.Я. Социальное насилие: теория и российская реальность // Глобализация, девиантность, социальный контроль: сб. ст. – СПб., 2009.*

35. *Gottfredson M.R., Hirschi T.A. General Theory of Crime. – Stanford (Calif.), 1990.*

36. *Goldstein A.P. Delinquent Gangs // Aggressive Behavior: Current Perspectives / Ed. by L.R. Huesmann. – N.Y.; L., 1994.*

37. *Блумер Г. Коллективное поведение // Психология масс. Хрестоматия ; ред.-сост. Д.Я. Райгородский. – Самара, 2001. – С. 535–588.*

38. *Парцвания-Чараия В.В. Генеалогия отчуждения: от человека абстрактного к человеку конкретному. – СПб., 2002.*

39. *Мухина В.С., Хвостов А.А. Отчуждение от себя: О саморазрушающих страстях человеческих. – М., 2011.*